

О том, что у него скоро появится младшая сестра, Мишка узнал в тот день, когда пошёл в первый класс.

Мама проводила его в школу, помахала рукой и крикнула вдогонку.

– А вечером расскажу тебе кое-что. Сюрприз.

В школу Мишка идти не хотел, старший брат его напугал, что в школе всё строго и непонятно, но мама объяснила, что садик кончился, а на работу таких маленьких, да ещё неучёных, не берут.

Мишка мечтал работать чиником, чинить детские игрушки.

– Придётся подождать, – вздохнул он и пошёл по длинному коридору, волоча за собой старый рюкзак.

Рюкзак был Данькин, старшему брату недавно исполнилось четырнадцать, на день рождения он получил новенький велосипед. Мишка донашивал за Данькой всё подряд, вот и до рюкзака дорос, лучше бы велосипед дали, но старый сломался, а к новому Данька даже подходить не разрешал. Если бы Мишке разрешили работать чиником, он бы починил старый велик. Но до чиника надо дорасти, а пока придётся походить в непонятную школу.

Обещанный сюрприз отвлек от мрачных мыслей. Интересно, что это может быть?

Мишка зашёл в класс, огляделся. Ребята с незнакомыми лицами рассаживались за столами.

Мама сказала, что сидеть на уроках надо смиренно, лучше всего выбрать стол поближе к учителю. Учителя не было, была учительница – толстая, с бровями. Мишка попятился и сел за последнюю парту.

Прозвенел звонок, в классе стало тихо. Учительница оглядела ребят, сказала строго:

– Меня зовут Ангелина Валентиновна, – а дальше Мишка перестал слушать, потому что отвлёкся на длинное имя, принялся его повторять, чтобы запомнить.

– Ангелина Валентиновна, Валентина Апельсиновна, Апельсина Ванилиновна...

Имя не запоминалось, тогда Мишка отвлёкся на муху. Муха была крупная, она сидела на подоконнике и потирала лапки. Мишка протянул руку, муха лениво всколыхнулась, перелетела на соседнее окно, замерла. Мишка стал думать о том, что надо дать мухе имя, раз уж она поселилась у них в классе.

– Имя?

Мишка вздрогнул, повернулся на голос.

Апельсина Ванилиновна стояла перед ним, подбоченясь, брови её сошлись в одну чёрную линию.

– В третий раз спрашиваю, как твоё имя. Или ты оглох?

– Я не оглох, – Мишка немного обиделся, – Меня зовут Миша.

– Фамилия?

– Фунтиков.

Дети засмеялись.

– Шутки будешь дома шутить, – голос у учительницы был железный, будто вилкой по тарелке скребут.

– Это не шутка. У меня фамилия такая. Фунтиков.

Мишка покраснел. Раньше ему нравилась его фамилия. А для школы, видать, она не очень подходит.

– Тогда слушай сюда, Михаил Фунтиков. Когда говорит учитель, все молчат и слушают. Не глазят по сторонам и не крутятся. Сядь ровно.

Мишка вытянулся, надул щёки, чтобы не заплакать. Он всегда так делал, когда его дразнил Данька. Не помогло.

Учительница отошла, он шмыгнул носом, приказал слёзам уйти обратно.

Слёзы ушли, Мишка растопырил глаза, уставился на Ванилину Апельсиновну, стараясь не пропустить ни одного слова.

Безмянная муха поползла по стеклу. Ей тоже хотелось на улицу. Там сейчас славно, деревья роняют листья, лужи их ловят, ветер дует, помогает плыть. Если на такой плавучий лист посадить муху, она будет капитан корабля.

– Фунтиков!

Мишка отвернулся от окна, дети снова засмеялись.

– Ещё раз посмотришь в окно – выйдешь из класса.

Мишке понравилась эта идея, и он повернулся к окну всем туловищем, а не только головой, как раньше.

– Вон из класса! – учительница поджала губы и показала рукой на дверь, Мишка обрадовался, взял рюкзак и пошёл к выходу.

– Рюкзак оставь.

Пришлось оставить, ну что поделаешь.

За дверью был всё тот же коридор, сейчас в нём никого не было, по обе стороны коридора, за закрытыми дверями, сидели другие дети и другие мухи.

– Пенка. Я назову её Пенка, – пробормотал Мишка.

– Кого? – раздался тихий голос за спиной, и он подскочил от неожиданности.

Девчонка оказалась так себе, крохотная, даже ниже ростом, чем Мишка, на ней было красное платье, башмаки и носочки, один носок зелёный, а другой розовый. В руках она держала зелёный зонтик, с него стекали капли, они падали на пол, будто стеклянные шарик.

– Привет, – сказала девчонка, – Я Аврора. А ты?

– Миша. Фунтиков, – по привычке ответил он, и проверил, не смеется ли девчонка.

– А Пенка – это кто?

– Муха. Она в классе осталась.

– Понятно.

Девчонка принялась прыгать на одной ноге, с её рыжих кудрей тоже посыпались брызги.

Мишка наклонился, взял в руки несколько стеклянных шариков. Они были тёплые и разноцветные.

– Откуда это у тебя? – спросил он.

Девчонка пожала плечами.

– Под дождь попала. Чего необычного?

– Да нет, ничего, – согласился Мишка, – А меня из класса выгнали.

– Бывает, – девчонка прекратила прыгать, сложила зонтик, уставилась на Мишку зелёными глазами, –

Ну, пошли, что ли?

– Пошли, – сразу согласился он, – А куда?

– Давай в класс вернёмся. Мне интересно, как у вас тут всё устроено.

Мишка не стал спрашивать, что значит «у вас», но спросил про другое:

– А что скажет Валентина Анжелиновна?

– Ванилина Апельсиновна? А она меня не увидит. Я тихонько. Пошли, ну.

Но тут прозвенел звонок, открылись все двери, дети высыпали в коридор.

– Давай уже дождёмся следующего урока, – предложил Мишка, – а сейчас перемена, можно бегать, прыгать и шуметь, мне брат рассказывал.

– Хорошо, – согласилась девчонка, – а что значит брат?

– Ну... Мишка задумался, – Это такой человек. Он у нас дома живёт.

– Он взрослый?

– Нет.

– Маленький?

– Нет.

– Играет с тобой?

– Иногда.

– Понятно. А у меня нет брата. Где их берут, братьев?

– Не знаю. Наверное, они рождаются, как и все остальные.

– Что значит «рождаются»?

Мишка покраснел.

И почему он так быстро краснеет?

– Данька рассказывал, что дети из живота вылезают. Но как они в живот попадают, я пока что не понял.

– То есть, если я хочу брата, я должна его достать из живота?

– Не ты, а мама.

– Кто это *мама*?

Мишка посмотрел на девочку, проверяя, не шутит ли? Не может ребёнок про маму не знать, так не бывает. Но глаза её, зелёные, как зонтик и носок, не смеялись.

– Как, ты сказала, тебя зовут?

– Аврора.

– А ты откуда?

– Оттуда, – девочка неопределённо махнула рукой, – Неважно. Давай уже бегать и шуметь. Ты обещал. И они побежали по коридору, обгоняя других детей, таких же взбудораженных и счастливых.

Глава вторая. Пончики

Снова прозвенел звонок, и Мишка принялся рассовывать по карманам стеклянные шарики.

– Пошли в класс, – торошила его Аврора.

– Сейчас, сейчас, погоди, не хочу, чтобы они тут потерялись, – пробормотал он.

Девчонка от нетерпения приплясывала у двери.

– Апельсиновна идёт, давай быстрее!

Мишка оглянулся. И действительно: учительница была уже совсем близко. Он наклонился, подобрал последний, самый красивый, надо же, под плинтус закатился, сунул к другим в карман.

– Заходим, – скомандовал, – Только зонтик спрячь.

Аврора схватила зонтик, подбросила его вверх, он превратился в маленького зелёного попугая, попугай уселся к девочке на плечо, и все трое заскочили в класс. Мишка пошёл на своё место, Аврора уселась рядом.

Ни дети, ни учительница по непонятной причине не замечали новенькую, и Мишка удивился, ну вот же она, девчонка, да ещё какая – яркая, рыжая, румяная, похожа на яблоко, сидит со своим попугаем, ничего не боится, никого не стесняется, везёт же некоторым.

Но тут Апельсиновна пробасила:

– На первом уроке я рассказывала о правилах поведения в школе, а на втором давайте-ка поговорим о буквах, – и Мишка звонко ответил, хотя его никто не спрашивал:

– Давайте, – уж больно ему хотелось про буквы поговорить, ведь из букв книги складываются, а книги Мишка любит. Да и дома будет стыдно, если он ничего кроме Авроры и её зонтика из первого школьного дня не запомнит.

Брови Апельсиновны снова сошлись в одну линию, но Мишка не успел испугаться, Аврора дернула его за рукав и спросила:

– А где твоя Пенка?

Мишка отвёл взгляд от мохнатых бровей, огляделся.

– Не видать. Может, улетела? А нет, вот же она, гляди.

Муха сидела с задумчивым видом на потолке, рассматривала Аврору.

– Фунтиков! Мало того, что ты крутишься, так ещё и перебиваешь. А ну-ка выходи к доске.

Мишка грустил, опустил плечи, вышел на середину класса. Доска была большая, зелёная, но не такая яркая, как зонтик.

– Ты помнишь, о чём я говорила на первом уроке? Правило первое. Болтать на занятиях нельзя. Повторяй, Фунтиков.

Мишка покраснел, заволновался, ему казалось, что все на него смотрят и смеются над ним, какой он глухой и неуклюжий, стоит посреди класса, руки болтаются, деть некуда, разве что в карманы.

И он скорее засунул руки в карманы, а оттуда ка-а-а-ак покатались Аврорины стеклянные шарики, так покатались, будто в класс радуга зашла.

.....

Домой шёл понурый.

Рядом семенила Аврора, она без умолку болтала, отвлекала от грустных мыслей.

Попугай на улице снова стал зонтиком, наверняка, чтобы спрятаться от чужих людей и всяческих неприятностей.

– Вот бы и мне так, – размечтался Мишка, – если провинился и домой неохота, то можно зайти в квартиру и превратиться, например, в кактус, здоровый и колючий, такой, как у нас на кухне. Стать ненадолго кактусом, постоять руки в боки, пока гроза не пройдёт, а потом можно и обратно в мальчика возвращаться. Да, кактус – это классная идея, но вот вопрос – куда рюкзак спрятать?

Рюкзак после уроков был гораздо тяжелее, чем до. При каждом шаге он поддавал в спину, напоминал про дневник с красными буквами внутри: ещё немного, и эти самые буквы спрыгнут со страницы, возьмутся за руки и объяснят маме, что Мишка шалит и не даёт вести уроки.

– Ох, – вздохнул Мишка, – Не задался первый день. И из класса выгнали, и в дневник записали.

А самое главное – вот ведь дурачина-простофиля – шариков лишился, Апельсиновна всё забрала, а это несправедливо.

– Правда же, это несправедливо? – спросил Мишка Аврору, подстраиваясь к её мелким скачущим шажкам.

– Правда, – закивала она, – А что такое несправедливо?

– Это... Мишка задумался. Несправедливо, это когда после плакать хочется.

– А тебе сейчас хочется?

– Нет, – удивился Мишка.

Аврора кивнула, довольная.

– Привыкай, от меня слёзы пропадают. Да и с Гретой не соскучишься. Правда, Грета? – и она снова подкинула свой зонтик и вытянула правую руку вперёд, глядя, на раскрытой ладони сидит тот же самый зелёный попугай, то есть, конечно, попугайха, Грета. Ишь ты, ну и имечко!

– Правда, – ответила птица, склонила голову, уставилась, не мигая, на Мишку, – со мной не соскучишься. Ну, полетели, что ли? – обратилась она к Авроре, но от Мишки глаз не отвела, – Уйму времени потеряли с этим дурачиной-простофилей.

– Вот ещё, обзывается, – надул было Мишка губы, потом вспомнил, что разговаривает с птицей и рассмеялся.

– А ты откуда моё прозвище знаешь?

– Так ты сам себя давеча так назвал.

– Давеча. Странно как ты говоришь.

– Как научили, так и говорю. Я, между прочим, тоже в школу ходила. То есть летала. Давно это было.

Грета задумалась, видно и правда вспомнила свою школу, потом деловито почесала подмышкой, скосила на Мишку хитрый глаз, запоздало удивилась:

– А разве дурачина – плохое слово? Ты скажи, я сложу его в отдельную папочку, – и попугайха, чтобы показать обалдевшему Мишке, где у неё эта самая папочка, похлопала себе крылом по круглой голове. Мишка даже остановился.

– Погоди-ка, – он поглядел на Аврору, – Я что спросить хотел. Ну... Вот птица у тебя. Она что же – на самом деле разговаривать умеет?

– Конечно, – пожала плечами девчонка, – Отчего же нет?

– Хорошо, – Мишка пытался собраться с мыслями, – А... А вот, скажем, шарики? Они – зачем?

– Шарики – это важные штуки. Без шариков никак нельзя, – Аврора даже глаза округлила, чтобы до Мишки дошло, и повторила по слогам, как маленькому:

– Важ-ны-е шту-ки.

– Так ведь не осталось. Ни одного. Все Апельсиновна забрала, – Мишка от досады даже губу закусил, – Мало того, что красивые, жалко, а теперь ещё и не узнать, зачем нужны были.

– Тю-ю, – присвистнула девчонка, – Да я тебе ещё миллион марбсов подарю. Или два.

– Тю-ю-ю, – повторила за ней попугайха, – Вот и пришли. Опять полетать не успели.

Мишка хотел было спросить, что такое марбсы, но увидел знакомый подъезд, надо же, действительно пришли, пора домой. Тут зажглись фонари, оказалось, что небо уже посинело, потемнело, а первые звёзды проснулись, свесили головы, смотрят вниз.

Выходит, они очень долго шли, а ведь школа совсем близко, опять он замечтался и забыл про время, и где они бродили, спрашивается? И что маме отвечать, когда спросит?

– Смотри-ка, – показал он рукой на небо, – Эти звёзды похожи на твои шарики. Или марбсы, правильно? Ты ведь их так называешь?

– Соображаешь, – одобрительно кивнула Аврора и обратилась к Грете, – Говорила я тебе, что он соображает.

– Поглядим, – хмыкнула попугайха, хотя на свете совсем мало попугаих, которые умеют хмыкать, может быть, только одна Грета и есть.

Пока поднимались по лестнице, Мишка бормотал, сочинял, что бы такое сказать маме, чтобы не ругалась за опоздание: «Заблудился. Нет, не подходит, вот она школа, за поворотом, совсем близко. С ребятами играл. Но я не играл, а врать нехорошо».

– Скажи правду, – перебила его мысли Аврора, – Скажи, что время пошло быстрее, чем обычно.

– Разве так бывает?

– Конечно. Разве ты никогда не замечал?

– Пожалуй, да, – удивился Мишка, – Точно. Когда я про что-то интересное думаю, время просто убегает. А я стараюсь только про интересное думать.

– Вот, а я о чём? – закивала довольная Аврора, – Время – оно такое. Непоседливое.

Мишка обрадовался и стал подниматься ещё быстрее, перешагивая сразу через две ступеньки.

– Сейчас мы это непоседливое время догоним, – бормотал он, – сейчас, сейчас...

В доме пахло пончиками. Мишка даже подпрыгнул от радости, схватил Аврору за руку, потянул за собой.

– Пошли скорей, папа приехал!

Папа у Мишки был геолог, дома появлялся редко, к его приезду, так повелось, мама пекла пончики.

– Ты иди, – кивнула Аврора, – я сейчас, только переобуюсь.

И она принялась возиться в коридоре, сняла башмачки, поставила зонтик, который снова стал зонтиком, в угол прихожей, подошла к зеркалу, принялась поправлять рыжие кудряшки.

Мишка не дождался, бросился в комнату с криком:

– Папа, папа, ты приехал, а я в школу сегодня ходил!

Мама, папа и Данька сидели за круглым столом, чаёвничали. Перед ними на расписной тарелке лежала гора румяных пончиков, сахарная пудра таяла на их тёплых боках, превращалась в белые родимые пятна.

Папа вскочил, раскрыл руки, Мишка разбежался и прыгнул, обхватил его руками и ногами, так и закружились по комнате.

Мама покачала головой:

– Миша, Миша, где же ты так долго был, мы волновались. Ругать тебя завтра буду, а сейчас праздник, мой руки, садись за стол.

– Я просто долго по улице шёл, улица оказалась длиннее, чем я думал, – прошептал Мишка папе на ухо, – Скажи, чтобы не ругала.

– Скажу, – смеясь ответил тот, усадил Мишку на стул, а потом взял в руки чашку с чаем и сказал торжественно: – Ребята, сегодня у нас особенный день. Мы с мамой хотим вам о чём-то сообщить.

Данька и Мишка с интересом уставились на родителей.

– Неужели собаку кушим? – подумал Данька.

– Неужели котёнка заведём? – подумал Мишка.

Мама порозовела и тихо сказала:

– Через какое-то время, ближе к весне, у вас появится маленькая сестрёнка.

– Пф-ф, – выдохнул Данька и потянулся за новым пончиком, – А я-то думал.

– Сестрёнка, – повторил Мишка и задумался, – Хорошо, конечно. А зачем нужны сестрёнки?

– Ну, – мама растерянно улыбнулась, – Это же так здорово, правда?

Было видно, что она и сама точно не знает, зачем нужны сестрёнки, но ужасно этому событию рада, так что Мишка решил радоваться вместе с ней.

– Точно, здорово, – важно кивнул он и хлопнул себя по лбу:

– Я же совсем забыл! Я вам Аврору привёл. Она такая... У неё есть марбсы – они похожи на звёзды, а ещё Грета – она похожа на зонтик. Сейчас, погодите.

Он вскочил, выбежал в прихожую, но ничего рыжего и зелёного не обнаружил. Даже зонтик исчез. На деревянном полу лежал разноцветный шарик, он блестел в темноте и подмигивал.

Глава третья. Другое Место

Мишка протянул руку, схватил гладкий, тёплый шарик-марбс, но тут произошло невероятное, стены прихожей сначала раздвинулись, а потом и вовсе пропали. Его будто ветром подхватило, он даже испугаться не успел, только глаза закрыл, и то на одну минутку, а когда открыл, то оказался совсем в другом месте. Сначала он увидел высокие ворота, а над ними плакат, на плакате разноцветными буквами написано: «Другое Место».

Сами ворота раскрыты нараспашку, за ними – большой двор, во дворе полным-полно ребят.

– Заходи, – услышал Мишка знакомый голос, – Чего ты ждёшь?

Это была Аврора, она неслась к нему навстречу, даже подпрыгивала на ходу. И он зашёл.

– Наконец-то, – Аврора схватила его за руку, потянула за собой, – пошли, пошли, сейчас урок начнётся.

– Неужели опять в школу попал? – подумал Мишка и даже немного испугался.

– Это не школа, – услышала его мысли Аврора. – Это – Другое Место, большая разница, понимать надо. И, кстати, это тебе, – и она протянула ему фонарик.

– Спасибо, – обрадовался Мишка и начал рассматривать и крутить подарок.

Фонарик был небольшой, но увесистый, на боку блестела кнопка.

– Потом, потом, – торопила его Аврора, – Это – Гриша. Ещё познакомитесь.

Мишка пожал плечами, положил фонарик в карман и побежал за подружкой.

Двор оказался не двор, а поляна, и не зря ворота нараспашку, потому что забора не было и в помине.

– Чудно, – подумал он, оглядываясь.

Повсюду бегали дети, их было так много, что не сосчитать, за поляной вдалеке поднимался лес, над лесом летали облака, летали не обычно, а в разные стороны, то сталкиваясь, то разбегаясь. Мишка хотел

было сказать, что так не бывает, но не успел, потому что увидел на небе сразу два солнца и три луны, и открыл рот от удивления.

– А где же звёзды? – невпопад спросил он, показывая рукой на небо.

Аврора остановилась, переводя дух.

– Звёзды? Так ты ещё не понял? Звёзды – и есть марбсы. Я зелёные люблю. Гляди.

Она вытащила что-то из кармана, протянула руку, на ладошке лежал-переливался камень, был он похож на маленькое яйцо. Сам зелёный, прозрачный, а внутри огонь.

Мишка даже засмеялся от удовольствия.

Аврора взяла и подкинула зелёный марбс высоко-высоко.

Что тут началось!

С неба посыпались зелёные и оранжевые кульки, а дети принялись бегать по поляне и их ловить.

Мишка пригляделся и понял, да ведь это мороженое.

– Мягкое, – с гордостью сказала Аврора, – и манговое. Я сегодня самые любимые сорта загадала.

А всё потому, что восьмой день недели.

– Разве такой день бывает? – спросил обалдевший Мишка.

– Ещё как бывает! Восьмой день – день несбыточных желаний. Забыл? Только не говори, что у вас, у людей, неделя до сих пор семидневная.

Пока Мишка молчал и сомневался, а вдруг и правда семидневная, он же маленький, мог и перепутать, глаза у Авроры стали ещё круглее и ещё зеленее – то ли от удивления, то ли от досады.

– Эх, – махнула она рукой. – Как всё запущено! Ладно, подкрепись, и пошли дальше.

Только тут Мишка заметил, что держит в руках оранжевый прохладный кулёк. Он развернул хрустящую обертку, надо же – и точно манговое, ну и дела. Он принялся откусывать холодные, сладкие куски и решил больше ничему не удивляться. Кто его знает, может это только сон, так надо его досмотреть и дораспробовать, не отвлекаясь на посторонние вопросы.

– Это не сон, – покачала головой Аврора. – Это – Другое Место, говорят же тебе. Вот ведь непонятливый.

Тут у Мишки в кармане что-то запицало, зашуршало, он сунул руку, да это же фонарик, ишь, как нагрелся, и чего ему, спрашивается...

– Гриша тоже мороженое хочет, – кивнула Аврора. – Доставай его, я как раз вас познакомлю.

Мишка послушно достал фонарик, тот сразу же выскочил у него из рук, поглядите-ка, да это вовсе и не фонарик, это же...

– Уф, – пробормотал Большой Зелёный Кактус, очень похожий на тот, который у них на кухне, на подоконнике стоит, – Ну и соскучился я в духоте и в темноте. Ну-ка, ну-ка, что тут у вас намечается? Какое очередное баловство?

Мишка подошёл ближе, хотел было потрогать иголки, а Кактус уже обхватил его руку своими, зелёными, совсем не колючими, а наоборот, и принялся трясти изо всех сил.

– Знакомьтесь, – торжественно произнесла Аврора, – Это Миша, ему семь. Это Гриша, он Кактус.

Миша разглядывал Гришу, а тот покрутил колочей головой, огляделся.

– А где Грета?

– На разведку полетела, – ответила Аврора.

– Ага, ага, понятно, – и Гриша закивал, будто это обычное дело – для кактуса – разговаривать, кивать, интересоваться попугаями, а для попугая – летать на разведку и вообще вести себя так, будто...

– А ты думал, мы все тут ненастоящие? Не такие, как вы? Да? Ты ведь так думал раньше? Ну скажи, скажи, – Гриша даже разволновался и пододвинулся ближе, заглянул Мишке в лицо, и тут Мишка заметил, что глаза у Гриши совершенно человеческие, только немного грустные.

– Да нет, вовсе нет, – смутился Мишка, – Отчего же. Я же вижу. Очень даже настоящий кактус. Говорящий даже. Живой. Нормально.

– Это точно, – закивал Гриша, – нормально. Потому что всё вокруг – живое, и это нормально. И пока ты про это помнишь – ты тоже нормальный. В смысле, – запутался Кактус, – ты тоже живой. Я понятно объясняю? – забеспокоился он, и Мишка закивал, испугавшись, что Гриша совсем расстроится.

– Эй, мальчишки, ну-ка тихо. У нас урок начинается, – сказала Аврора, приложив палец к губам.

Мишка оглянулся. Пока они с Гришей выясняли всё про кактусы, рядом с ними собрались дети, которые раньше бегали по поляне. Сейчас они уселись вокруг в несколько рядов, таращатся, вытирают ладошками измазанные мороженым физиономии, перешептываются.

Рядом с ним уселся чумазый мальчишка в жёлтых шортах и клетчатой рубашке, на плече у него сидела переливчатая бабочка.

– Я – Дудка, – сказал мальчик. – А это Саломея, – и он кивнул на бабочку. – А ты кто?

– Я – Миша.

– Я тебя в первый раз вижу. Ты у нас недавно?
– Ага. Первый день.
– Поня-я-ятно, – протянул Дудка, разглядывая Мишку. – А ты случайно не оттуда? – и мальчишка мотнул головой в непонятную сторону.
– Откуда? – осторожно поинтересовался Мишка.
– Ну... – Дудка замялся, – Оттуда, куда мы все однажды попадём? Я имею ввиду... С Земли?
– Э-э-э... Конечно, с Земли. А откуда же ещё?
– Ну, знаешь ли. Разные есть места на свете, – мальчишка хмыкнул. – И как там у вас?
– Хорошо вроде.
– А правда... – он снова хмыкнул. – А правду говорят, что каждому ребёнку на Земле выдают маму и папу?
– Конечно, – удивился Мишка.
– И мне выдадут?
– Обязательно.
– И им? – Дудка мотнул головой, показывая на мальчика и девочку, похожих друг на друга как две капли воды, – И Тошке с Элошкой?
– Конечно. А кто это?
– Это наши двойняшки. Хулиганистые – страсть.
А ещё у нас тройняшки были. Кнопка, Хлопка и Анечка. Но они недавно родились, – Дудка вздохнул. – Надеюсь, им попали хорошие родители.

Тошка и Элошка, заметив, что про них говорят, подошли ближе, усталились на Мишку. Они и правда были совершенно одинаковые, вихрастые, ловкие, с веснушками на лицах и даже на ушах.
Только одеты по-разному – Тошка в синем комбинезоне с оранжевыми заплатками на коленках, а Элошка в платье в синий горох и рыжих ботинках на толстой подошве.

– Кто такой? – спросили они хором у Дудки. – Новенький?
– Не-а. Он оттуда, – и снова Дудка кивнул головой в непонятную сторону.
– Оттуда?
Двойняшки оживились и стали забрасывать Мишку вопросами. Пришлось рассказывать – и про школу, и про маму с папой и про Даньку, который вредничает. Трое слушали, открыв рты, и не перебивали.

– Я не пойму, – сказал наконец Мишка, – чему вы так удивляетесь. У вас тут разве по-другому, что ли?
– У нас по-другому, – вздохнул Дудка, – Скажи... А тебе случайно... младший брат не нужен?
Мишка хотел было ответить:
– Нет, у меня уже есть старший, – но тут по рядам прокатилось:
– Время урока, время урока, время урока, – и все вокруг стали быстро-быстро доставать из карманов шарики-марбсы.

Внезапно настала тишина, и сразу же, будто по одной неслышной команде, каждый подбросил свой шарик в небо. Небо сначала потемнело, потом посветлело, на нём появилась точка, она стала расти, и вот уже можно было разглядеть, что это никакая не точка, а птица, большая, чёрно-белая, похожая на...

– Аист, – выдохнул Мишка, он таких только на картинках раньше видел. В букваре, где буква А, самая первая и самая главная. Мама рассказывала, что аисты детей приносят, а Данька говорил, что всё это сказки для маленьких.

Птица Аист сделала несколько кругов над поляной и опустилась на траву.
Дети зашептали:
– Йоко, Йоко прилетел, – и замахали птице руками, Мишка на них поглядел и тоже замахал на всякий случай.

Аист Йоко подошёл ближе, у него были длинные голенастые ноги, а под крылом папочка, Мишка засмотрелся, как аист важно вышагивает, и уже не удивился, когда услышал, что тот заговорил.

Глава четвертая. Сказочники

– Ну конечно! – воскликнул Аист, – Все в сборе, кроме Греты. Она опять на задании?
– Да, Йоко, – откликнулась Аврора, – Срочный вылет. Тебе же известно, что у нас происходит в последнее время.

Йоко задумался, почесал крылом затылок.
– Знаешь, мне кажется, нам надо пореже говорить такие слова, как «последнее время». Даже совсем их позабыть. Придумать другую фразу. Иначе время и впрямь станет последним, понимаешь? А то и совсем остановится. Что скажете?

Все вокруг загудели, предлагая свои варианты.

– Время собирать камни. Время – деньги. Время не ждёт. Время терпит, – выкрикивали дети, а Аист только качал головой.

Дудка вскочил и крикнул:

– Незапамятные времена!

– Это мне нравится больше всего, – с одобрением отозвался Йоко. – Хорошо. Давайте попробуем говорить так. Ну, а теперь – время урока.

Аист щёлкнул клювом, и тут же перед ним появилось огромное гнездо. Оно было доверху набито всякой всячиной – были здесь и воздушные шары, и шёлковые ленты, и мягкие ёлочные ветки, и шишки, и блёстки, и серпантин, и даже старая юла.

Йоко уселся среди всей этой пестроты, немного поворочался, открыл папку, водрузил на клюв непонятно откуда взявшиеся очки в толстой роговой оправе и принялся читать.

Интересная штука.

То ли страницы были волшебные, то ли Йоко читал по-особенному, но слова принялись выскакивать из папочки, хвататься за руки, за ними побежали другие, ещё, ещё, и вот уже их целый хор – они проносятся мимо, кружатся, топают толстыми ножками, убегают – дальше, дальше, дальше, по высокой траве, к лесу.

Может быть, поэтому Мишке показалось, что он не только услышал, но и увидел всё то, о чём рассказывал Йоко, склонив голову над тонкими страницами, края которых были чуть надорваны, то ли острым клювом, то ли тем самым незапамятным временем, о котором и речь.

– Итак, я расскажу вам о незапамятных временах.

Давным-давно всё было не так, как сейчас.

Раньше сказочники жили на крышах, как аисты. Тёплыми летними вечерами они усаживались на карнизах, болтали ногами, выхватывали перо из пролетающей мимо птицы, окунали в чернильницу, которая вот только что была чёрным от сажи котом, задумывались, глядя вдаль, а потом записывали всё, что видели сверху, да ещё добавляли своё, то, что намечтали ночью.

Надо сказать, что ночью мечтается особенно хорошо, а всё из-за звёзд, ну вы-то про это знаете, а сказочники тогда только догадывались, да и то не все.

Как только пряталось солнце, на небо высыпали разноцветные звёзды, они были похожи на блестящие шарики, они были не далеко, и не близко, но они были – и это самое главное.

Время шло.

Время всегда идёт.

Однажды сказочники это поняли и испугались.

Звёзды пытались рассказать, что время идёт по кругу, и бояться нечего, что из каждого яйца выходит пылёнок, а старик – это ребёнок, только наоборот, но ночью хочется спать, и сказочники засыпали на самом интересном месте.

Со временем им стало казаться, что птицы стали летать реже, коты разбежались от уличного шума, а исчерканные листы вот-вот унесёт ветер. И тогда, вместо того, чтобы немного подождать и придумать очередную сказку с хорошим концом, сказочники спустились с крыш – сначала на тёмные чердаки, потом в душные каморки. Спустились – и всё перепутали.

Дети затаили дыхание. Йоко посмотрел на них, пожал крыльями и продолжал:

– Да-да, представьте себе. Перепутали.

Волк проглотил Красную Шапочку, Снежная Королева поцеловала Кая, Ганс и Гретель заблудились в лесу.

– А дети? – Дудка так заволновался, что вскочил со своего места. – Неужели они слушали такие сказки?

Йоко грустно покачал головой:

– Дети, наслушавшись перепутанных сказок, стали плакать по ночам, а усталые родители на них ворчали и кричали.

Все вокруг тяжело вздохнули, и Мишка вместе со всеми.

– Но был один, – тут Йоко поднял глаза от исписанных листов, – Да, да, был один Сказочник, который ни за что не хотел слезать с крыши.

– Эй, – кричал он своим друзьям, свешиваясь с карниза, – идите сюда! Здесь такой простор, здесь можно потрогать солнце и поболтать с ветром.

– Нам некогда, – отвечали остальные сказочники. – Кончились незапамятные времена. Время – деньги. Время не ждёт.

И они разводили огонь в очаге, подбрасывая в него последние исписанные листы, ставили на огонь чугунок, кипятили воду.

Когда вода согрелась, бывшие сказочники наполняли кипятком жестяные кружки, грели об неё руки, глядели в окно, ругали погоду, мечтали разбогатеть, слушали, как ругаются соседи за стеной, короче говоря, тратили время на всякую ерунду.

И тогда Последний Сказочник, назовём его так, придумал свою Самую Главную Сказку.

– Про марбсы? – опять не вытерпел Дудка и принялся пританцовывать на месте, – Сказку про Волшебные Марбсы?

– Правильно, малыш, – закивал Йоко. – Именно её.

Все вокруг затаили дыхание, всем хотелось услышать, что же было дальше.

Но тут раздался шум – сначала он был невнятный и далекий, потом сильный и близкий, казалось, это шумят крылья всех птиц на свете. Дети подняли головы вверх.

По небу летела Грета, и вид у неё был взволнованный.

Глава пятая Похищение

Грета сделала большой круг над поляной и приземлилась.

– Клара вернулась, – выкрикнула она непонятное, а потом добавила, отдышавшись. – Она добралась до Луки и похитила все игрушки.

Малыши заволновались, забегали, замахали руками, а Дудка принялся плакать.

Двойняшки Тоша и Элоша закричали хором:

– Мы их найдём! Мы найдём игрушки и спасём Луку! – и принялись свистеть в два пальца. Вернее, не в два, а в четыре, потому что привыкли не только говорить хором, но и действовать сообща.

На их свист прибежали две Божьи Коровки, которые до этого мирно паслись на лугу, на их круглых спинах в горошек были приторочены туго набитые узелки, из которых выглядывали термос, подозрная труба, сачок, юла и лупа, короче говоря, всё необходимое для дальнего путешествия.

Мишка обернулся к Авроре:

– О чём говорит Герда? И кто такие Клара и Лука?

– Лука – наш друг лесовик. Он ходит по лесу, выкрикивает «Лу-ау» и помогает находить потерявшихся детей. А ещё Лука – Хранитель Игрушек. Дело в том, что каждому ребёнку, когда приходит его время родиться, Лука выдаёт его любимую игрушку. На счастье. Без таких игрушек слишком быстро взрослеешь, а это неправильно.

Аврора закусил губу и посмотрела на Йоко.

– Надо что-то делать.

– Но ведь у вас есть волшебные марбсы, – сообразил Мишка, – Ты недавно подбросила их, и мороженое посыпалось. Я сам видел. И ел. А если снова подбросить? И загадать, чтобы посыпались новые игрушки?

– Марбсы так не работают.

– А как они работают? – не отставал Мишка.

– Марбсы – это твои желания, но не для тебя. А для других.

– Вот как, – протянул он разочарованно. – А если мне самому что-то нужно?

– Если тебе что-то нужно – тебе помогут друзья.

– А если не помогут?

– Так не бывает, – и Аврора строго на него посмотрела. – Ты же им помогаешь?

Мишка кивнул.

– Ну вот. А они чем хуже?

– Хорошо, – не сдавался Мишка, – Тогда ты загадай игрушки для других. А другие загадают игрушку для тебя. Так это работает?

– Может быть, – проворчала Аврора, – Только дело не в этом. Зачем нам новые игрушки, скажи?

Если нам нужны наши. Любимые. Вот у тебя есть дома любимые игрушки?

Мишка вспомнил старого медведя Клёпу с пуговицами вместо глаз, и понял, про что говорит Аврора.

– Есть, – сказал он, – Ещё как есть.

– Ну вот, а теперь представь, что его похитила Клара.

– Не хочу такое представлять, – замотал головой Мишка, – Да, кстати, а Клара – это ещё кто?

– Клара, – громким шёпотом ответил Дудка, вытирая заплаканные глаза – она плохая. У нас тут тоже есть плохие. Но очень мало. Но очень плохие. У неё... у неё... у неё – два лица-а-а...

И он снова заплакал.

Бабочка Саломея принялась махать крыльями и успокаивать.

– Не плачь, пожалуйста, – приговаривала она, – Промокнешь.

– Он боится Клары, – принялся объяснять Мишка.

– Ничего он не боится, – Саломея отряхнула крылья от Дудкиных слёз, – Ему нельзя бояться. Правда, Дудка?

Дудка шмыгнул носом.

– Правда. Мне бояться нельзя. Я не боюсь. Я храбрый. Ну и что, что у Клары два лица, – тут его голос задрожал, но он посмотрел на Саломею, вдохнул и снова шмыгнул носом. – Подумаешь, два лица. Я, может быть, ни одного не боюсь. И ты тоже, правда? – и он с надеждой поглядел на Мишку.

– Правда, – осторожно ответил тот, – А что значит – два лица? Двухголовая она, что ли?

– Ну ты смешной, – Дудка даже развеселился. – Разве бывают двухголовые Клары? Два лица, говорят тебе. Одно – спереди – белое, другое – на затылке – чёрное, к кому она белым лицом обернётся, тот ослепнет, к кому чёрным – тот...

Дудка замолчал и нерешительно посмотрел на Саломею.

– Тот онемает, – кивнула та головой, и её усики задрожали, – Но ничего этого не случится, если ты не боишься. Понял?

Мишка кивнул и подумал, что это – не сон, сон не может быть таким долгим. А если не сон, то почему же, всё-таки, он тут оказался?

И он повернулся к Авроре, чтобы спросить её про это, но увидел, что та подошла к Йоко, что-то шепчет ему, показывая пальцем на него, Мишку.

Йоко закивал и помахал ему крылом, мол, подойди.

Мишка на всякий случай нащупал в кармане фонарик, и пошёл к Йоко, за ним, стараясь не отставать, потопал Дудка, за Дудкой полетела Саломея.

Двойняшки Тоша и Элоша переглянулись и побежали за ребятами.

Так они и обступили Аиста со всех сторон – Мишка с фонариком, Дудка с Саломеей, Тоша и Элоша с Божьими Коровками и Аврора с Гретой, которая к этому времени превратилась в зонтик и прижалась покрепче к Авроре, потому что устала и соскучилась.

Йоко оглядел ребят и сказал то самое, чего так ждал Мишка.

– Ну что, друзья. Теперь на вас вся надежда. Согласны вы отправиться в путешествие, чтобы выручить Ауку и спасти любимые игрушки? Что скажете?

Тоша и Элоша запрыгали от восторга, Дудка прошептал «Да» и на всякий случай крепко уцепился за Мишкину руку, Аврора заулыбалась, Божьи Коровки затопали тонкими ногами, а Саломея так захлопала крыльями, что пыльца посыпалась.

– А ты что скажешь? – и Аист посмотрел на Мишку.

Глава шестая. Про радугу

– Что скажешь? – Йоко посмотрел на Мишку.

– А что тут говорить, – выскочил вперед Кактус Гриша, который только что был фонариком, – Мы с вами пойдём, – сказал и полёз к Мишке обниматься.

– Конечно, пойдём, – подтвердил тот, с трудом освобождаясь из кактусовых объятий. – Я игрушки люблю. Я может, когда вырасту, чинником работать буду. Игрушки детям чинить. Есть ведь такая работа?

– Ещё бы, – закивал Йоко, – конечно, есть. Отличная идея, кстати. Ну а теперь давайте обсудим, что вам нужно, чтобы не заблудиться, не потеряться, вернуться обратно целыми-невредимыми, а ещё – спасти Ауку и вернуть игрушки.

Мишка вспомнил всё те компьютерные игры, в которые играл старший брат, и предложил:

– Значит, так. Что нам нужно. Нужна карта местности. Подробная. Флажки, чтобы отмечать захваченные территории. Оружие...

Тут он замялся, посмотрел вокруг, увидел недоумённые детские глаза. Аврора сверкнула удивлённо-синими, Тошка и Элошка мигнули озорными зелёными, а Дудка и вовсе зажмурился. От страха.

– Ну, то есть, это я так брякнул. Про оружие забудьте. Да и флажки – тоже, пожалуй, ни к чему. А вот карта – да. Пригодилась бы.

– Карта, – задумчиво протянул Йоко. – У нас игральные карты есть. Подойдут?

– Игральные вряд ли. А как же вы по лесу ходите, без карт?

– Так и ходим, – пожал плечами Дудка, и принялся повторять то, что знал давно и наизусть:

– Сначала по Синей Тропинке до Зелёной Опушки, потом по Оранжевой Дороге до Розовой Реки. А там увидишь Горбатый Мост, как Мост перейдёшь, сразу в Мельницу упрёшься. Хлопнешь в ладоши вот так, – Дудка звонко хлопнул, – Аука дверь откроет, а та-а-а-ам, – и Дудка развёл руки в стороны, – а там вот сколько игрушек, и среди них одна – самая любимая.

– Правильно говоришь, – похвалил Йоко Дудку, – Итак, дорогу вы знаете. Всё необходимое найдёте здесь, – он показал на пёстрые узелки, и Божьи Коровки тут же зашевелили усиками и заважничали,

Что же касается бутербродов с секретом и ночёвок у костра, – Аист задумался и принялся что-то подсчитывать и чуть слышно бормотать, – Пять, четыре, две среды, дай мне яблок и воды. Аист в доме, мышь в стогу, с делом справится смогу, – а потом добавил громко, будто на что-то решившись: – Путешествие может оказаться долгим, поэтому придётся позвать Яшу.

Йоко свистнул по-птичьи несколько раз, да так сильно, что деревья в далеком лесу задрожали, расступились, на поляну выскочил огромный серый шар, и быстро-быстро покатился к ребятам.

Мишка пригляделся, а это и не шар вовсе, а самый обыкновенный ёжик, только размера необыкновенного, пожалуй, покрупнее велосипеда будет.

– Всем привет, я Яша, вам – морковка наша, – выкрикнул, распрямляя спину ёжик, и тут же у каждого малыша в руках оказалась морковка.

Мишка даже засмеялся от удовольствия, таким симпатичным оказался этот самый Яша.

Вся спина у него, как и положено ёжику, в иголках, на каждой иголке – или ягода наколота, или гриб насажен, за плечом котомка, из котомки бутерброды выглядывают, а на широком кожаном поясе висят какие-то букашки, лапами перебирают.

– Это не букашки, а Светлячки, – уточнил Яша и пощекотал нескольких сразу. Светлячки захихикали и тут же стали светиться.

– Вот. И электричества никакого не надо, – заметил Ёжик. – На смеху работают. Чем громче смех, тем ярче светятся.

– Ух ты, – удивился Мишка и покосился на Гришу.

– Да, теперь и ты про это знаешь, – кивнул тот, – А может, и раньше догадывался. Ведь чтобы кто-то начал светиться, кнопку нажимать необязательно. Иногда достаточно рассмеяться.

Но тут без всякого предупреждения начало происходить что-то непонятное.

Земля задрожала, треснула, разошлась в разные стороны, между поляной и лесом появилась сначала трещина, потом яма, она становилась всё больше и больше, пока не превратилась в пропасть, да такую глубокую и широкую, что с первого взгляда понятно: не перепрыгнуть.

– Что такое? Что случилось? – закричали малыши, а Аврора нахмурилась и посмотрела наверх.

Тут же что-то загремело, засверкало, и небо начало быстро темнеть.

Со всех сторон летели тучи, у них были серые сердитые лица, они принялись разгонять облака, а когда облаков не осталось, тучи закрыли три солнца и две луны, стало совсем темно.

Ёжик Яша пощекотал своих светлячков, те засветились, освещая испуганные лица детей.

Дудка нашёл Мишкину руку и вцепился в неё, Мишка повернулся к Авроре.

– Что происходит?

– Прodelки Клары, – ответила она, – Надо скорей прятаться, иначе сейчас на всех нас прольются Грусть и Тоска, и всё испортят. Все сюда, все сюда! – закричала она, но было поздно, загремел гром, по траве ударили первые капли, а потом дождь полил как из ведра.

– Прodelки Клары, прodelки Клары, – прокатилось по рядам, Аврора открыла свой зонтик, дети побежали прятаться, Дудка потянул Мишку за руку, но тот остался стоять на месте и улыбался.

– А ты что тут стоишь? – закричал Дудка, – Пошли под зонтик, промокнем.

Мишка поднял лицо к небу, растопырил руки, закружился.

– Это же только дождь, – бормотал он. – А я дождь страсть как люблю. Тем более что потом – лужи. И радуга. И никакой грусти, вот честное слово.

Он кружился и смеялся, а капли из серых становились синими, блестящими, словно марблы, стекали ему за шиворот, и это не было грустно, вот ничуть.

Дудка подумал-подумал и тоже закружился.

За ними Тошка с Элошкой выбежали под дождь и стали прыгать по лужам, а потом и остальные малыши не вытерпели. Будто разноцветные горошины, высыпались они из-под зелёного зонта и принялись носиться с гиканьем и свистом, подставляя дождю счастливые лица.

И вот что удивительно: чем больше выбегало детей, тем слабее становился дождь, а когда зонтик взял и сложился сам собой, превратившись снова в Грету, дождь вообще прекратился, и на небо выкатилась радуга.

– Молодец, – обратился Йоко к Мишке, – Молодец, что не испугался. И за сообразительность спасибо. Не зря Аврора сказала, что ты нам годишься.

Затем он повернулся к остальным, показывая крылом на радугу:

– Ну что ребята. Пора. Вот вам дорога, по ней до лесу доберётесь, никакие пропасти и ямы вам теперь не страшны. И помните: сила ваша – в дружбе. А дружба и удача никогда не расстаются.

У Мишки внутри всё запело – и от гордости, что его похвалили, и от радости, что вот они – настоящие приключения – начались. Он проверил фонарик в кармане, протянул руку Дудке, помахал Йоко, подмигнул Авроре и – первым шагнул на радугу.

По радуге шагать было весело и легко, но она быстро закончилась, и ребята оказались в лесу.

Впереди шагал Мишка с рюкзаком, у него на плече сидела Грета, указывая дорогу, Аврора вела Дудку за руку, Саломея шелестела над ними шелковыми крыльями, позади семенили Божьи Коровки, Тоша и Элоша то и дело отставали, они забегали в чашу, чтобы понохать колокольчики или сорвать землянику, Гриша и Яша замыкали шествие, степенно беседуя о пользе колючек.

Вдоль Синей Тропинки поднимались густые ели и тонкие берёзы, птицы садились на ветки, перекликались, разглядывая малышей, зайцы и белки выскакивали из леса, махали кепками и платочками.

– Расскажи мне про Клару, – попросил Мишка Аврору на первом же привале.

Они как раз вышли на Зелёную Опушку, где было много удобных кочек и пеньков, чтобы присесть и отдохнуть.

– Хорошо, – согласилась Аврора, доставая бутерброды и раздавая ребятам, – Расскажу. Только сначала перекусим. И не забудьте – наши бутерброды с сюрпризом, а ну-ка, загадайте вкус, кто какой любит.

Конечно же, все как один, загадали вкус шоколада, и вскоре от бутербродов не осталось и следа.

Саломея тряхнула крыльями, посыпалась пыльца, превратилась в сахарную вату.

– Десерт, десерт, – закричали дети и принялись за сладкое, а потом прилетели сороки, принесли воды в белых чашках ландышей.

Когда все напились и наелись, Аврора уселась поудобнее и начала рассказ:

– Ты спрашиваешь про Клару. Что ж, расскажу, пожалуй. Хотя я больше люблю рассказывать про что-то весёлое, – и она вздохнула:

Ты уже понял, что наша чудесная страна под названием Другое Место – это страна ещё не родившихся детей. Все мы ожидаем своей очереди родиться, все мы мечтаем найти маму и папу, братьев и сестёр.

Однажды родившись, никто из нас не возвращается обратно, ты – первый. Да-да, – кивнула она удивлённому Мишке, – ты – первый, кто попал к нам оттуда, из вашего мира.

– Но я же не случайно попал, это ты меня привела, правда?

– Правда. Йоко однажды сказал, что нам нужен кто-то особенный, чтобы справиться с коварной Кларой. Тогда я решила отправиться на поиски.

– Но разве вам можно до рождения приходиться к нам?

– Нам всё можно. Потому что мы никогда ничего плохого не замыслим. Не умеем. Кроме Клары. Той, которой однажды не повезло.

Малыши зашептали «не повезло, не повезло» и сгрудились ещё теснее вокруг Мишки и Авроры.

– Дальше будет совсем грустно, – продолжала Аврора, – Но я должна рассказать, иначе ты не сможешь нам помочь, а ведь каждое хорошее дело надо доводить до конца. Так вот. Знаешь ли ты, что когда-то Клара была одной из нас? Да-да. Чудесная малышка в белом платье, с незабудкой в кармане. Чёрные кудряшки, ямочки на щеках, серые озорные глаза. Нам было жалко расставаться с прелестной Кларой, но однажды наступил день её рождения, и...

Аврора шмыгнула носом и сказала то, к чему Мишка был абсолютно не готов:

– В тот день, когда Клара родилась, её мама отказалась от девочки.

Что тут началось!

Дети заплакали, Гриша и Яша насупились и выставили колючки, Саломея сложила крылья и спрятала голову, Божьи Коровки поджали ножки и задрожали, Грета защёлкала клювом, а светлячки перестали светить.

Мишка затаил дыхание и спросил:

– А дальше?

– Клара вернулась. Она не захотела оставаться без мамы. Но она вернулась уже совсем другая, понимаешь?

Что мы только ни пробовали. Обнимали, целовали, щекотали, рассказывали сказки, дарили марбсы, катали на облаках – всё напрасно. Эта девочка разучилась улыбаться. К тому же, у неё появилось два лица, как у ваших взрослых. Ей хватило одного дня без мамы, чтобы повзрослеть.

Мишка с интересом посмотрел на Аврору.

– Разве у взрослых два лица? Никогда не замечал.

– Ты и не можешь заметить. Пока не вырастешь. Тот, у кого появляются недобрые мысли, теряет свои марбсы, а взамен получает второе лицо. Так мы взрослеем. И что с этим делать, никто не знает.

Аврора закончила свой рассказ, принялась складывать вещи.

Впереди их ждала Оранжевая Дорога, за ней Розовая Река, через реку перекинут Горбатый Мостик, а там и до Мельницы недалеко.

- А что потом случилось с Кларой? – спросил Мишка, затягивая свой рюкзак.
- Однажды она ушла от нас насовсем. Поселилась за лесом, в Каменной Пещере. Ей там скучно и грустно, поэтому иногда она возвращается и вредничает.
- Зачем?
- Никто не знает. Даже Йоко. Вот мы и позвали тебя. Может, ты придумаешь, как помочь.
- Вам?
- Нет, что ты? – Аврора удивилась. – Не нам, а Кларе. Помогать надо тому, кому тяжелее всех. Она обернулась, посмотрела на остальных.
- Ну что, все готовы? Идём дальше?
- Идём, идём дальше, – закивали дети, и маленький отряд тронулся в путь.

Глава восьмая. Чудеса продолжаютя

Как только ребята вышли к реке, Мишка даже присвистнул от восхищения.

– Как красиво, – прошептал он, глядя на розовые волны с белыми барашками, на уток с изумрудными крыльями, хлопотающих у берега, на лягушек с крошечными скрипками и трубами, наяривающими весёлую музыку, и на кузнечика в тирольской шляпе, размахивающего шестью лапками, в каждой из которой была зажата дирижёрская палочка.

Через пару минут музыка затихла, дирижёр и музыканты встали и поклонились, Мишка захолопал в ладоши.

– Здорово! – воскликнул он и обернулся к друзьям, не понимая, отчего они не хлопают тоже. И тут он увидел, что ребята стоят на берегу с расстроенными лицами и, казалось, не замечают ничего вокруг.

– Что случилось? – спросил он, заволновавшись.

– Мост пропал, – прошептал Дудка, – и показал рукой на то, что осталось от Горбатого Моста.

И точно, от моста осталась одна жердочка, да и та качалась на ветру.

– Как это случилось? – спросила Аврора у музыкантов.

Кузнечик выступил вперёд, снял свою весёлую шляпу и принялся мять её в лапках.

– Клара пробежала. Она несла тяжёлый мешок. Из мешка выглядывали игрушки и просили о помощи. Мост расстроился, не выдержал и обвалился. Мы ничего не могли сделать. Только одно – продолжать играть. Мы решили, что если пропадёт весёлая музыка, то и эта последняя жердочка сломается тоже. С тех пор и играли, пока вы не появились. Теперь будет легче.

И он вздохнул, вытер пот со лба, а лягушки уселись на толстые листья кувшинок и принялись успокаивать уставшие инструменты.

– Понятно, – сказала Аврора, – Ну что ж, значит пришло время совершать чудеса.

– Мы же забыли про марбсы, – Мишка от досады даже хлопнул себя по лбу и посмотрел на Аврору. – Ни одного не взяли. А без марбсов – какие чудеса?

– Про марбсы невозможно забыть, – покачала девочка головой, – Они сами появляются.

– Как это сами?

– Очень просто. Марбсы – это твои мысли, твои желания. Добрые. Без них никакое дело не спорится. Ну что, – обратилась она ко всем остальным, – подумаем о хорошем?

И все принялись думать о хорошем, а Дудка прошептал Мишке:

– Я про тебя буду думать. Хочу к тебе младшим братом попасть. Пусть чуть позже, после той самой сестрёнки, которая скоро должна у вас родиться. Это ничего, я подожду, если надо, – и Дудка даже зажмурился, чтоб его марбс исполнился наверняка.

Тут же, как по волшебству, Горбатый Мост появился снова, лягушки заквкали, утки закрякали, кузнечик подбросил в воздух тирольскую шляпу, а ребята закричали: «Ура!»

Вот и мост позади, впереди Мельница, вращает колесом, похлопывает ставнями, Мишка пригляделся, а двери не нашёл.

– Ну и где же дверь? Как мы войдём? – удивился он.

– Вход не там, где дверь, – пробормотала Саломея над его ухом, – а там, куда ведёт тебя сердце. Пойдём.

Она взмахнула крыльями, стены мельницы пропали, и дети увидели печку, на печке сидел Аука, глаза его были закрыты, в руках он сжимал плюшевого мишку.

Мишка пригляделся – да ведь это его любимый медведь! Вот и глаза из разных пуговиц, и бок красной ниткой зашит, точно его Клёпа!

Он подошёл, протянул руку, погладил медведя по носу.

В ту же секунду Аука открыл глаза.

– Ох, как же долго я вас ждал! – воскликнул он и кинулся обниматься с малышами.

Все принялись говорить одновременно – дети про радугу и дорогу, про кузнечика и Горбатый Мост, Аука про Клару, как посмотрел на её черное лицо и ослеп, как впился в последнюю игрушку и принялся ждать того, кто придёт к нему за своей любимой игрушкой и спасёт всех остальных.

А Мишка прижимал к себе своего медведя, шептал ему что-то на ухо, и кроме них двоих никто не смог бы понять, о чём этот шепот.

– Не время медлить, – воскликнула Аврора. – Пора в погоню, нам ещё все остальные игрушки вырывать. И кроме того, – тут она задумчиво посмотрела в сторону Мишки, – и кроме того, нам надо решить, что делать с Klarой.

Мишка сделал вид, что не расслышал, хотя он не только расслышал, но и вдруг сразу понял, что именно надо делать с Klarой. Справится ли он? Сможет ли? Но Аврора кивнула, а Гриша подбежал и принялся хлопать Мишку по плечу, а плюшевый медведь прижался ещё крепче, и Мишка понял: Сможет. Справится.

И тут он почувствовал, что у него в кармане что-то зашевелилось.

Он засунул руку, достал стеклянный шарик.

– Марбс, – пробормотал Мишка, – Мой собственный первый марбс.

– Твой, – улыбнулась Аврора, – Загадывая желание. Ну же!

Всё вокруг закружилось, запело, заиграло, будто тысячи кузнечиков взмахнули дирижёрскими палочками, Мишка замахал руками, плюшевый медведь обхватил его пено лапами, Гриша снова стал фонариком и запрыгнул в карман, а маленький марбс превратился в огромный воздушный шар, подхватил Мишку и поднял в небо.

Мишка посмотрел вокруг и сообразил, что он сидит в плетёной корзине, доверху набитой игрушками, тогда он принялся их скидывать своим друзьям вниз.

Дети подпрыгивали и ловили – вот клоун, вот кукла, вот железная дорога, вот карандаши, игрушки падали и не кончались, ребята хохотали, лягушки дудели и поскрипывали. Последнее, что увидел Мишка, это был Дудка – он стоял на земле, прижимая к себе тряпичного клоуна, и махал вслед воздушному шару, махал, махал, махал.

Эпилог

Мишка потрянул головой, посмотрел вокруг.

Та же прихожая, тот же запах пончиков.

Выходит, он снова дома?

Но погодите, а Аврора? А Дудка? А Йоко?

Или ему это всё приснилось?

Он вернулся в комнату, там все так же сидели родители и Данька, даже пончики ещё не остыли.

– Где ты взял этого медведя? – удивился Данька, – Он же совсем старый. Ему на мусорку пора. Выбрось его.

Тут Мишка понял, что он до сих пор прижимает к себе плюшевого медведя.

Он посмотрел на свою любимую игрушку, мишка подмигнул ему пуговичным глазом.

И Мишка всё понял.

– Никого мы выбрасывать не будем, – твердо сказал он, – Любимые игрушки не выбрасывают. Кстати, – тут он повернулся к старшему брату, достал из кармана фонарик и протянул ему, – Я тебе подарок принёс. Мне в школе одна девочка подарила, просила тебе отдать.

– Что за девочка? – пробормотал Данька, рассматривая подарок, – Ух ты, классный какой! Передай ей спасибо.

– Сам передай, – усмехнулся Мишка, – мне кажется, ты её скоро встретишь.

Он нащупал в кармане свой один единственный марбс и повернулся к маме.

– Мам, а мам.

– Что родной?

– У меня есть одно желание. Можно загадать?

– Конечно. Загадывай. Мы с папой постараемся исполнить.

И она поглядела на папу, а папа обнял её за плечи, и у Мишки от важности момента даже защипало в носу.

Он зажмурился, сжал покрепче марбс и прошептал:

– Я загадываю... Когда родится эта девочка... Моя младшая сестра... Я хочу... Я мечтаю...

Он открыл глаза и закончил громко и решительно:

– Пусть это будет Клара.

Родители переглянулись.

– Хм, отчего же нет, – заметил папа. – Имя красивое.

А мама ничего не сказала, она просто прижала к себе Мишку крепко-крепко.

И тут он подумал:

– Так, с Кларой разобрались. Чуть попозже придётся вернуться в Другое Место за Дудкой. Хорошо, что я теперь знаю дорогу.

И он покосился на подоконник, где стоял Кактус, махал ему своими колючими лапами и посмеивался.